

ЕЛЕНА КРИКЛИВЕЦ

СВЕТЛЫЕ ПРОВОДЫ ЛЕТА

* * *

Пересохшие губы раскрыли колодцы.
Не сыскать уголька в прошлогодней золе.
Но весна по привычке сюда доберётся,
улучив своё время на этой земле.

Будет солнце упрямо на запад катиться.
Будет слышаться ставни отчаянный всхлип.
И, как прежде, опустится глупая птица,
заприметив дрожащие остовы лип.

Закричит, закурлычет, зайдётся по-вдовьи,
заслоняясь от горя усталым крылом.
Это — время стенать над погибшим гнездовьем.
Время строить, наверное, будет потом.

Долгий клёкот в закаты бездонные канет.
Во дворах по-собачьи завоют ветра...
На церквище темнеет нетёсаный камень —
сколько их по Отчизне ещё собирать...

КРИКЛИВЕЦ Елена родилась и живёт в городе Витебске (Беларусь). Кандидат филологических наук. Доцент кафедры литературы Витебского государственного университета. Член Союза писателей Беларуси. Член Союза писателей России. Автор сборника стихов "На грани света". Лауреат VII Международного Пушкинского конкурса (2007, Россия). Лауреат Международных литературных конкурсов: "Северная Аврора" (2012, Россия); "Мир без войны и насилия" (2013, Польша); "Словенское поле" (2013, Россия); "Литературная Вена" (2013, Австрия); "Русский Stil-2014" (2014, Германия); "Арфа Давида" (2015, Израиль).

А земля налилась бабьей нежностью вешней,
в первоцвет, как невесту, себя обрядив.
В небе новенький серп на гвоздочек подвешен.
Время сеять.

А жатва ещё впереди.

* * *

А липы гнали свет со старого двора.
Струилась тишина, как молоко в подойник.
Они уже срослись — трухлявая кора
и корка на сухих натруженных ладонях.

Не отогреть платком серебряный куржак.
Распахнуты в туман морщинистые веки.
За этой пеленой — расстеленный пиджак,
и нежность, и тела, как сцепленные ветви.

— Ни солнца, ни тепла, — соседи говорят. —
Срубить бы их пора. Поможем, если надо.
Ну, как им объяснить, что летняя заря
давно погасла там, где ржавая ограда,

где столько долгих лет колышется трава
под красною звездой на дальнем перекрёстке?
Исчерпаны до дна и слёзы, и слова.
И губы запеклись шершавою коростой.

Отшелестит закат прогретой резедой,
уснувшие сады смородиной задышат...
И снова будет ночь. Как та, перед бедой.
И липы зацветут над обветшавшей крышей.

* * *

Август телегу с дороги свернул,
доверху полную спелым ранетом.
Вьётся над церковью праздничный гул.
Ярмарка. Светлые проводы лета.

Полно. В каком это было краю?
Скорби и радости? Лики и лица?
Время отломит краюху свою
и не подумает ею делиться.

Только садов предосенний настой,
в город проникший по улочкам старым,
сердце наполнит прозрачной тоской,
словно антоновку соком янтарным.

Туча на яблоне виснет с утра,
как на заборе мальчишка бесстрашный.
Ветер погонит её со двора —
вырвется клоч из помятой рубашки.

В свежей прорехе блеснёт синева
и освятит благодатью пролитой
преображение мысли — в слова,
завязи — в яблоко, веры — в молитву.

* * *

*Когда погребают эпоху,
Надгробный псалом не звучит...*
А. Ахматова

Ни стона, ни горького вздоха —
кладбищенский строгий уют.
Здесь снова хоронят эпоху,
и снова вороны снуют.

Процессия курит в сторонке.
От заступов комья летят.
“Об этом расскажут потомки”, —
могильщики пьяно твердят...

И ты, безусловно, намерен
исполнить отцовский завет.
И прошлое загнанным зверем
рванётся из чаши на свет,

в убийственной жажде спасенья
помчится быстрее и быстрее
туда, где в угожьях осенних
плывут голоса егерей.

* * *

Тополь, подпирая небосвод,
в толщу дней глядит с немим укором.
И тропинка робкая ведёт
к старенькой скамейке у забора.

Здесь и тени поросли быльём...
Только почему-то год от года
окон заколоченный проём
не пускает душу на свободу.

Этот груз не разделить ни с кем.
Горький крик не вырвется наружу.
Тихо дрогнет жилка на виске,
и морщинки сделаются глубже.

Ни в погонных метрах, ни в рублях
не измерить дедовские хаты...
На таких вот сизых тополях
выбьет время памятные даты.

* * *

По лужам бежит ветерок торопливый,
балует за настезь открытым окном,
у низкой калитки, где старая ива
застыла почтенно в поклоне земном.

И бродит Господь в этих далях уездных,
хлеба рассыпая дающей рукой.
А жизнь, как вода во облацех небесных,
неясно темнеет за спящей рекой.

Делам и посевам отмерены сроки.
Взлетает над берегом визг детворы.
Своих пассажиров у тихой затоки
услужливый лодочник ждёт до поры.

Промытое утро антоновкой дышит.
Тихонько скрипят, в синеву уходя,
ступени, зовущие прямо на крышу
к нападавшим яблокам после дождя...

Щемящие запахи давнего Спаса
отыщешь в потёртом своём рюкзаке,
откуда годами достать не решался
росинку на маминой тёплой щеке.

* * *

Ивы косами воду мели,
очумев от июльского зноя.
И натужно гудели шмели,
и коровы плелись к водопою.

Он достал из котомки вино,
на бурёнок прикрикнул нестрого...
Как же всё это было давно:
незнакомка, июль и дорога...

В непонятные дали спеша,
протянула ладошку, смутилась,
повернула на старый большак
и растаяла, словно приснилась...

Этот вечер теплом уголька
снова в память угасшую канул.
Обмелели и жизнь, и река,
и граненая зелень стакана.

И бродило в дешёвом вине
всё, что Блоком не вовремя спето.
А шмели продолжали звенеть
в обжигающем мареве лета.